

На грани смерти.

Для обычного человека это был метод пробуждения с наивысшей окупаемостью инвестиций.

До тех пор, пока всё удерживалось в пределах «безопасной» зоны, это ничего не стоило и не требовало близости к реальным проклятым духам.

Асо Акия не был мазохистичным Осаму Дадзаем, романтизирующим самоубийство; он признавал, что боится боли. Того, чего он искал, были максимальная эффективность и максимальная отдача. Поэтому он проанализировал с божественной высоты, почему именно обычные люди могут пробудиться в момент приближения к смерти:

Дух получает подавляющий шок.

Душа выделяет взрывной всплеск негативных эмоций.

На обрыве жизни и смерти тело разрушает собственный «принцип самосохранения» и в отчаянной попытке выжить наконец «видит» проклятых духов.

Под нормальными условиями невозможность видеть их была именно тем, что оберегало простых людей. Низкоуровневые проклятые духи редко нападали на людей без провокации; в худшем случае они инстинктивно цеплялись, медленно питаясь негативными эмоциями, словно ракушки-балянусы.

Эволюция породила две ветви человечества: тех, кто не мог видеть проклятых духов, и тех, кто мог.

В древних кланах магов почти никогда не рождались потомки, полностью слепые к проклятиям.

Те, кто рождался с нулевым количеством проклятой энергии (так называемое Небесное Ограничение), были редкими мутантами, и пока их можно было отбросить.

Асо Акия сидел за маленьким письменным столом, раскрыл блокнот и щелкнул кнопкой шариковой ручки.

[Экстремальные виды спорта: банджи-джампинг, скайдайвинг, маятниковые аттракционы, американские горки.]

Первая строка: методы встряски разума.

[Дома с привидениями, кладбища, морги, фильмы ужасов, хроника катастроф, документалки о смерти.]

Вторая строка: методы затопления души негативом.

[А вот это сложно...]

Ручка зависла над третьей строкой и отказывалась двигаться. Он не мог придумать ни одного безопасного, надежного способа загнать тело в кризис с помощью реальных проклятых духов или предметов. Не имея возможности их видеть, он не мог оценить их ранг; этот путь был чистой русской рулеткой.

На следующее же утро Асо Акия начал бегать на рассвете. Он тренировал свое тело с жесточайшей дисциплиной, закладывая фундамент для всего, что последует дальше.

Он тщательно скорректировал свое поведение внутри заведения социального обеспечения.

Месяц спустя каждый выполнимый пункт из списка был вычеркнут.

Он стал завсегдатаем парков развлечений Йокогамы. Кладбище Йокогамы превратилось в его личное место паломничества. История его телефона представляла собой галерею ужасов, от которой у большинства взрослых дернулось бы сердце. Как бы сильно ни скручивало его желудок, стоило ему вспомнить, что всё это может сделать его магом, как он проглатывал страх и нажимал кнопку воспроизведения снова.

Однако планы никогда не выживают при столкновении с реальностью.

Приманка сверхъестественной силы была слишком опьяняющей. Его тело дрожало, но душа пела.

Он даже подумывал вскрыть вены (точный контроль кровопотери все равно позволил бы ощутить подлинный ужас приближающейся смерти), но перед тем, как прибегнуть к лезвиям, он опробовал более безопасный вариант: намеренное утопление. Он заплыл на глубокое место в общественном бассейне, специально заплыв за ту черту, где его пальцы ног уже не касались дна, и стал ждать, пока накатит паника.

И все же мозг не зарегистрировал никакого кризиса. Лишь холодная, равнодушная пустота. Тело словно насмехалось над чересчур осторожной душой, обитавшей в нем:

Думаешь, эта детская игра может тебя убить?

Когда спасатель вытащил его, кашляющего, на кафедру, Асо Акия выплюнул воду и зашелся смехом между спазмами.

— Какой феерический провал.

Как дух мог когда-либо натянуться подобно тугому луку, когда выход всегда был на виду?

Как могли хлынуть негативные эмоции, когда сердце переполняли надежда и мечты о завтрашнем дне?

Настоящие соприкосновения со смертью — не шутка.

Осознав эту истину, как бы горько ни жгло внутри, он был вынужден принять её: ему не хватало необходимого чувства кризиса.

Чтобы высечь отчаяние бессилия глубоко в своих костях, Асо Акия сообщил директору, сел на поезд и направился в Сибую, Токио.

Внутри станции Сибуй (артерия, забитая человечеством, где восемь направлений сливались в хаос) он на собственном опыте прочувствовал, почему японцы называют свои поезда в час пик «банками со шпротами». Он позволил толпе нести себя, дрейфуя от платформы к платформе, смакуя собственную ничтожность.

Он спустился на 5-й подземный этаж, нашел то самое место, где четырнадцать лет спустя Кэндзяку запечатает Годжо Сатору, и встал там, представляя невидимую руку, толкающую его на рельсы.

Отчаяние было бы абсолютным.

Самим моментом падения было бы больно. Кризис затопил бы мозг.

Будучи обычным человеком, застрывшим в Инциденте в Сибуйе, жизнь и смерть больше не принадлежали бы ему. Неспособный видеть проклятых духов, неспособный уклониться от них, он мог бы лишь смотреть, как беловолосый мужчина сражается в одиночку, чтобы спасти всех.

Если бы он так и не пробудил проклятую энергию, он сбежал бы далеко-далеко, покинув японскую землю до 19:00 31 октября 2018 года.

В крайнем случае, из остатков совести, он мог бы анонимно отправить письмо Годжо Сатору в Токийский столичный технический колледж магии:

Труп твоего друга Гето Сугуру был украден тысячелетним ублюдком Кэндзяку. Когда придет беда, расставь приоритеты на уничтожение проклятых духов особой категории. Что бы ты ни делал, не попадайся на ловушку по имени «Тюремное Царство».

Внезапно Асо Акия остановился.

Воспоминания об аниме привели его ноги в то самое место, где когда-то в одиночестве стоял двадцативосьмилетний Годжо Сатору.

Кадр с фразой «Тюремное Царство... отворись» ярко промелькнул перед его глазами.

«Тюремное Царство... отворись».

Его шепот растворился, слабый и неслышанный, в реке пассажиров. Никто не заметил мальчика, бессознательно произносящего пророчество.

Он замер на месте и медленно обернулся.

словно он уже мог видеть...

Беловолосый мужчина стоял прямо позади него. Черная учительская форма казалась вечно невосприимчивой к грязи; пиджак падал до бедер, ноги бесконечно длинные. Лишь то вечно юное лицо, не изменившееся за десятилетие, теперь было забрызгано кровью. В каждой руке он держал отрубленную голову трансформированного человека.

«Он» излучал невыразимую усталость; мышцы его икр подрагивали.

«Он» тяжело дышал, издавая глубокие, судорожные вздохи, которые почему-то звучали опьяняюще.

«Он» казался непобедимым, перебив тысячу трансформированных людей за двести девяносто девять секунд: холодным, но милосердным.

«Он»... смотрел на расставленную для него ловушку с опущенными ресницами, высокомерие и презрение сплелись в нем воедино.

Асо Акия тихо вглядывался в галлюцинацию, приложив ладонь к уху, словно пытаясь поймать

эти прерывистые вздохи.

[Так прекрасен.]

Сильнейший маг современной эпохи, непобедимый в свою эпоху, сражался, чтобы спасти простых людей, запертых на станции Сибуя. Его враги рассчитали всё идеально; он не мог высвободить всю свою силу. В самый изнурительный момент они запечатали его внутри проклятого предмета особой категории — Тюремного Царства.

Обычные люди ничего не знали о магах. Обычные люди никогда не поблагодарят Годжо Сатору.

Их охватят лишь недоумение и ярость, они будут кричать, когда их жизни висели на волоске: «Где Годжо Сатору? Приведите его сюда!»

Пустая нежность поднялась в глазах Асо Акии.

Он не любил простых людей; их мир был клеткой ограничений. Он не любил слабых; их судьбы были написаны чернилами плывущих по течению.

Он до мозга костей понимал, что человеческая жизнь не имеет внутренней ценности. Закрой глаза — и мир превратится в пустоту. Смысл придавал акт жизни: каждая встреча, каждый человек, каждый трепет, задевающий душу на пути.

Годжо Сатору спас обычных людей.

Кто же тогда спасет Годжо Сатору?

Столкнувшись лицом к лицу с воображаемым двадцативосьмилетним Годжо Сатору, Асо Акия погрузился в канун Хэллоуина четырнадцать лет спустя. Он искал трепет в своем сердце, мужество противостоять Инциденту в Сибую, причину — пламенную причину — броситься в мир дзюдзюцу и отдать всё.

Стоишь ли ты того?

На одно мимолетное мгновение улыбка черноволосого мальчика истончилась до льда, презрение было поровну распределено по каждой жизни в этом мире.

И все же попаданэнец, мельком заглянувший в будущее с высоты, не был богом.

У него все еще было сердце из плоти. Оно могло бунтовать ради души, которую желало. Оно

могло болеть и ликовать под любимым взглядом.

В прошлой жизни ему исполнилось двадцать девять, так и не полюбив ни одного реального человека. Любовь всегда казалась недостижимо далекой. Всю свою романтику, всю способность к преданности он влил в книги и аниме.

Его стандарты любви были жестоко, невыносимо высоки; никто в реальности никогда к ним не приближался.

И он жаждал страсти, которая опаляла бы до мозга костей.

Он слишком долго жил, не предавая себя пламени. Больше, чем судьбы мотылька, он боялся пустоши внутри собственной груди.

Двадцативосьмилетний «Годжо Сатору» несомненно обладал силой, способной заставить его сердце замереть.

В мировоззрении «Магической Битвы» «Годжо Сатору» был самым совершенным человеческим существом, какое только можно вообразить. Даже те недостатки, которые он так гордо носил, для Асо Акии вовсе не были недостатками — они были опьяняющим очарованием. Второе измерение переполняли красивые, могущественные персонажи. Когда он впервые посмотрел первый сезон, ему даже не нравился Годжо Сатору; он считал звание «сильнейшего» расплывчатым — человек, скованный со всех сторон, не мог по-настоящему заслужить его.

Затем, постепенно, пришло понимание. Красота увядает. Сила убывает. Вечному, неизменному богу не хватает тяжести, чтобы притянуть к себе смертных. То, что остается вечно прекрасным — это непоколебимое человеческое сердце.

Мощное, но устойчивое ядро Годжо Сатору было в глазах Асо Акии цветком, который никогда не увянет.

Он сделал полшага навстречу одинокому «Годжо Сатору», поднялся на цыпочки; разница в росте была абсурдной.

Их лбы почти соприкасались.

Он прошептал, как секрет, которым делятся заговорщики.

Глубоко под Сибуйей, на 5-м подземном этаже, Асо Акия позволил себе превратиться в восхищенного безумца и, всего лишь на этот раз, позволил себе крошечную, капризную жалобу:

«Держать меня на весу над смертью и не позволять упасть — это так тяжело... Если ты улыбнешься мне хоть раз, я рискну этой жизнью, чтобы прийти и найти тебя. Да, тебя пятнадцатилетнего».

Прохожие, ждущие метро, уже бросали на него странные взгляды.

Их глаза встретились.

И «Годжо Сатору» тронул уголками рта улыбку.

Граница между обыденным и экстраординарным стерлась. Среди шума и гама мира вплелась нить тишины. Асо Акия почувствовал, что становится свидетелем самого прекрасного снегопада в своей жизни: чистого, холодного и совершенно безмолвного, но безжалостно захватывающего сердце.

Вот это, именно это он хотел протянуть руку и коснуться: сокрушить любые правила, станцевать с самой смертью.

Получив ответ, Асо Акия глубоко вздохнул, без колебаний повернулся и зашагал навстречу юности, о которой никогда не пожалеет.

Да будет так: обрезать все пути к отступлению.

Только победив обыденность без возможности повернуть назад, он мог заслужить право ступить на путь мага.

Асо Акия больше не думал о последствиях. Он забрал все свои сбережения до последней иены и, с глазами, сияющими от зловещего восторга, разыскал тотализатор скачек в Токио. Однако прямо перед тем, как поставить хоть одну ставку, персонал выгнал его с суровыми лицами: несовершеннолетним было запрещено делать ставки на лошадиных скачках. Ничего страшного; места, где можно было сжечь деньги, были везде. Сначала он нашел игровой зал патинко, долго изучал зал, только чтобы обнаружить, что в Японии категорически запрещены любые формы азартных игр для несовершеннолетних.

После того как его выгоняли снова и снова, Асо Акия не разозлился. Напротив, он запрокинул голову и рассмеялся так, что у него заболели бока.

— Ладно, — сказал он, вытирая слезы веселья с глаз. — Тогда я спущу всё по-другому.

Используя Токийский столичный технический колледж магии как центральную точку на карте, он проложил свой путь через каждую знаменитую кондитерскую в окрестностях. Он без раздумий оформлял VIP-карты и в один грандиозный приступ обжорства влил каждую иену,

которая должна была пойти на оплату университетского обучения, прямо в предоплаченные десертные счета.

Сидя в тихом углу кафе-сладостей, Асо Акия почти превратил себя в нищего.

Деньги: почти на исходе.

Обучение: больше не покрыто.

Ничто из этого не имело значения. Это были достойные расходы. Обмен наличных на силу был самой рациональной сделкой, какую только можно вообразить.

На его лице застыло выражение абсолютного удовлетворения, когда он слизывал крем с ложки. Даже если в итоге он останется без гроша в кармане и будет спать под мостом, ему было бы все равно. Он попросил в заведении ручку и несколько листиков бумаги. Обливаемый косым солнечным светом из окна и мягким смехом девушек за соседним столом, он начал писать с едва заметным задумчивым выражением бровей.

[Название: Любовный треугольник, начавшийся в Магическом техникуме: Белая луна и киноварная родинка Годжо Сатору] [Пейринг: Асо Акия × Годжо Сатору × Гето Сугуру (Кэндзяку)] [Автор: Зритель]

Для мира «Магической Битвы» он всегда был не более чем безудержным зрителем перед экраном, аплодирующим всякий раз, когда драма затягивала его с головой.

Судя исключительно по названию, история казалась совершенно заурядной. Если не считать оглушительной славы Годжо Сатору в мире дзюдзюцу, каждое другое имя было никем.

Асо Акия дорожил этим приступом вдохновения. На мгновение он писал как одержимый, безумно счастливый. Он создал романтические сцены, призванные оскорбить всех до смерти, а затем вшил массивные, вопиющие спойлеры к «Магической Битве» в самые возмутительные сюжетные повороты, какие только можно вообразить.

Таким образом обрела форму короткая история с участием двух будущих магов особой категории и заговора, растянувшегося на тысячелетие.

Его дебютная работа объемом более чем в десять тысяч символов потребовала от него два

полных дня.

Он вычитал черновик без малейшего румянца стыда, лишь сожалея, что временная шкала была слишком ранней, а лимит слов — слишком строгим, чтобы вплести в любовный многоугольник еще и Рёмэна Сукуну с Тодзи Фусигуро. В конце концов, если ты по-настоящему кого-то любил, ты должен был как следует помучить его. Во всем мире «Магической Битвы» его личной тройкой фаворитов были Годжо Сатору, Рёмэн Сукуна и Тодзи Фусигуро.

— Идеально, — пробормотал он. — Теперь осталось только отправить по почте.

— Пока кто-то из них — Годжо Сатору или Кэндзяку — бросит на это взгляд, я уже труп.

Остаток средств на нуле, побег из страны невозможен, все пути к отступлению отрезаны — Асо Акия бодро вынес себе смертный приговор.

Он отправился в местное почтовое отделение, заполнил бланк у стойки и назначил отправку письма на будущее — своему будущему «я»-магу по принципу кота Шрёдингера.

Дата доставки: 1 мая 2005 года.

Получатель: Первокурсник Асо Акия, Токийский столичный технический колледж магии.

Лучший сценарий: он поступает в следующем году и получает письмо сам.

Худший сценарий: преподаватели Токийского техникума магии вскроют письмо, прочтут его до конца и немедленно передадут прямо в руки высшему руководству.

Так или иначе, жребий был брошен.

Годжо Сатору возненавидит его за бессовестные выдумки.

Гето Сугуру восплает праведным гневом из-за клеветы.

Кэндзяку, получив весточку через старейшин, сцапает его прямо на улице в тот же день и будет допрашивать до тех пор, пока от него ничего не останется.

Он умрет без могилы.

Он будет молить о смерти, но ему откажут.

Он навсегда потеряет шанс на расположение Годжо Сатору, погибнув под нелепым грузом истории, которую написал сам.

Вскоре после того, как он вышел из почтового отделения, солнечный свет внезапно потерял всякое тепло. В его кости закрался подлинный холод, более ледяной, чем сотня домов с привидениями или полуночных кладбищ вместе взятых. Ледяное присутствие цеплялось за его кожу и отказывалось уходить.

Он сунул руки в карманы. Его кончики пальцев дрожали. Лишь теперь подкрался настоящий страх, запоздалый, но безошибочный.

— Ого, — прошептал он, и в голосе зазвучало тихое изумление. — Мне на самом деле страшно.

Асо Акия изучил себя с клиническим любопытством.

— Недостаточно.

Он заставил свои ноги двигаться вперед, заставил себя отойти от почтового отделения, заставил себя шагать навстречу смерти.

— Всё еще далеко недостаточно, чтобы увидеть проклятых духов!

Черноволосый мальчик опустил голову и пошел дальше. Холодная улыбка изогнула его губы; он насмеялся над собой. В тенях, поглотивших его лицо, плясало и мерцало безумие.

«Я превращу каждый оставшийся день своей жизни в обратный отсчет. Я вкушу медленную, изысканную пытку пребывания на краю смерти».

«Ну же, прокляни меня изо всех сил, самой смертью».

Отрывок из книги «Любовный треугольник, начавшийся в Магическом техникуме: Белая луна и киноварная родинка Годжо Сатору»:

До того как его втянули в любовный треугольник, Асо Акия однажды сказал Годжо Сатору, что он убежденный холостяк.

Годы спустя, когда что-то пошло не так, двадцативосьмилетний пикантный учитель спросил:

«Если ты никогда не женишься, как кто-нибудь сможет наверняка узнать, кого ты любишь?»

По правде говоря, в этом с самого начала заключался второй смысл Асо Акии: он женится только на том, кого любит всей душой. Кто-то меньший, чем это — и он предпочтет остаться неженатым на всю жизнь.

<http://bllate.org/book/19436/1951432>